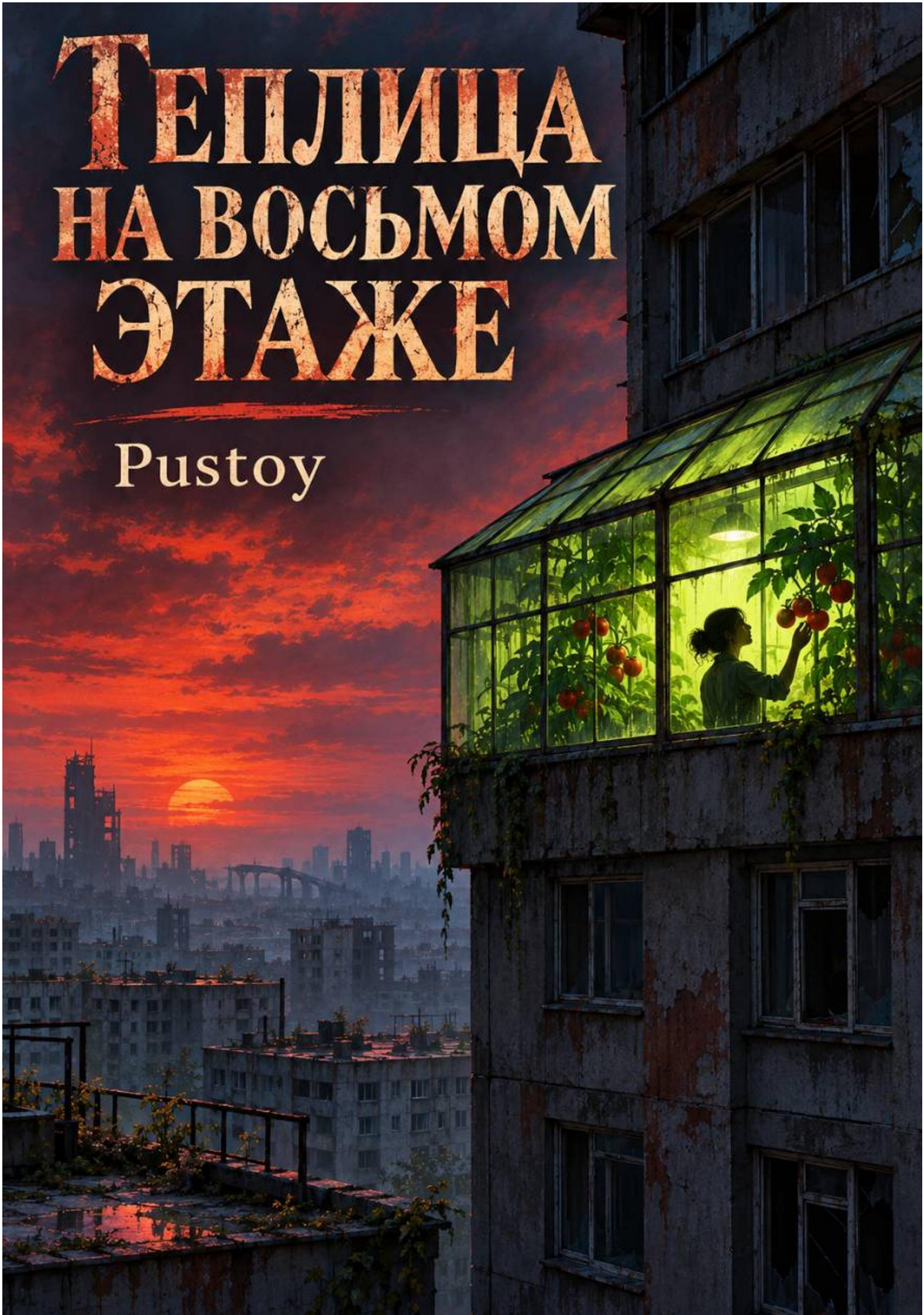
Теплица на восьмом этаже

Pustoy



Pustoy

Теплица на восьмом этаже

«Автор»
2026

Pustoy

Теплица на восьмом этаже / Pustoy — «Автор», 2026

На второй год после серого лета в Устье созрел первый помидор. Нина Скоба вырастила его на восьмом этаже, в бывшем ателье свадебных платьев. Утром на ветке остался только зелёный хвостик.Сорванный помидор вернулся через три дня с почтовой баржей. В ящике под ним лежала записка от сестры, которую Нина считала погибшей: «У нас стекло и тёплая земля. Могу принять семнадцать». В их доме живёт тридцать один человек. И у каждого есть имя.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Один помидор 6
Глава 2. Кусок старого неба 10
Глава 3. Светляки почтового ведомства 14
Глава 4. Кто согласен получить письмо 17
Глава 5. Жёлтый ящик 20
Глава 6. Сеня считает до семнадцати 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Pustoy
Теплица на восьмом этаже

Pustoy
Теплица на восьмом этаже

Глава 1. Один помидор

В конце той зимы Нина Скоба трижды переписывала завещание и всякий раз забывала о холодильнике. Холодильник был отличный. Синий, с полосой ненастоящего серебра, с дверью, которая отзывалась на нажатие тихим чмоком. Внутри, поставленные на хрустальные ножки от свадебных бокалов, росли семь самых ранних растений дома. Пусть солнечный свет и возвращался, по ночам Устье сковывал мороз, а в бывшей холодильной камере легко держалось тепло от печки Галины Семёновны снизу. Три года назад, когда ателье ещё называлось «Белое облако» и принимало по четыре невесты за один день, Нине не пришло бы в голову по собственной доброй воле отпилить от чудесного синего холодильника всю заднюю стенку. Ещё меньше хотелось бы оставлять в завещании семилетней Леське бокалы, спиленные до половины, валявшиеся теперь у ног бывшего манекена.

Она села за зимнюю швейную машинку, вывернула наизнанку старую шапку и проверила ещё раз. Пальцы, шерсть и воздух были сухие. Перелила воду из тёплого кофейника в мелкую жестяную крышку, которую для неё смастерил сосед. В дальнем ящике поднесённая к ветке ладонь внезапно засветилась.

Это было так неожиданно, что Нина не сразу отвела руку. В оранжевом свете пальцы стали молодыми, суставы на мгновение пропали.

— Горин, — позвала она.

Горин за стеной крутил что-то, кому-то говорил «левее, недотёпа», и был явственно занят куда более важным делом. Потом треснуло дерево, как всегда, когда Горин наконец-таки слушался того, на кого кричал.

— Я обедать домой не приду! — откликнулся он. — Мне тут ящик в крышу вышел!

— А я тебя обедом не жаловала с девяносто четвёртого года. Ковыляй сюда, посмотри у меня, кому дают первое место.

Дверная петля в ателье так на славу пела, что последние недели приходилось входить в теплицу с полным убеждением, что тебя ждут. За ней исходящие от стеклянной скошенной крыши запахи всегда первыми встречали чужого. С тёплого ладана был когда-то похожий травяной запах в ладони у бабушки, когда она выносила Нине из-под курятника маленькое дрожащее тело крапчатой цыплятки. На лепном крюке возле входа вздрагивали лоскуты старой москитной сетки. Комаров не стало прошлой осенью, а каждого гостя заставляли ждать, пока перестанет дуть холодный воздух из всего оставшегося мира. Растениям нравилось так.

В изнанку петельной занавески просунулась голова Горина. Руку он держал завёрнутую в полотенце. Значит, стукнулся. Левая медная пуговица на бушлате отливала нелепым самоварным блеском. Сравнительно недавно он обнаружил, что в старых сочинениях изображали волевых полярников именно с такими пуговицами; с тех пор его коллеги теряли собственные для того, чтобы про запас у них хоть иногда были вещи, которые Горину жалко отдавать. Воли в этом человеке хватало. А вот под вечер, когда хотя бы половина дня сделана собственными руками, он немного терял способность вставить гордость обратно в карман.

— Что?

— Смотри.

— Куда?

— У тебя когда глаза в последний раз были на месте? По правую руку, среди бархатистого. Только не трогай.

В теплицу через раскрытую штору вышла Галина Семёновна. Галя, по паспорту 32 года от роду, считалась в доме полным её тёзкой, сколько ни объясняй, что ещё лет пятнадцать и на одной площадке окажутся две Семёновны. На левом плече у неё спала девочка, развесив

болезненные два крохотных косичечных хвоста. Широкое веснушчатое плечо в рыжем свитере вместе с девочкой устойчиво держалось против всего февральского воздуха в Устье.

— Горин, народ требует хотя бы одного честного ведра кипятка на две комнаты. Мы тут у себя барахтаемся как шесть ершей вокруг картошки. Что тут у вас?

— Семёновна, прислонись к стене с брюнеткой, сейчас будешь чувствовать внезапное весеннее волнение. Знаешь, что бывает, когда долго у кого-то живёшь?

— Начинают без спроса есть твоё. Сверху у тебя среди веток, что ли?

Девочка у неё на плече проснулась, повернула голову и недовольным, хорошо поставленным голосом произнесла:

— Мяч.

Показалось Римке странным, что никто не кидает ей снизу красную маленькую игрушку с настоящим зелёным хвостиком. Она потянулась сразу обеими руками. Галя прижала ей ладони к бочкам. Тонкая красная кожица трепетала у самого тёплого стекла. Если не знать, насколько мало бывает человеку необходимо тепла, можно было решить, что на Устье не одевали своих свинцовых мешков ни минувшей зимой, ни позапрошлой.

— Сколько от цветка? — спросил Горин.

— Дни я со своей памятью подсчитывать перестала. Есть листок. До тебя такой же точно лежал у меня на кухне каждое лето. Миской. Когда брать сейчас, на прошлой неделе спрашивал, я тебе сказала ждать. Сейчас ещё ждём. Я хочу, чтобы он совсем сладким стал, насколько это с одним плохим февральским солнцем возможно.

Горин долго на него смотрел. Потом отошёл, не издав ни слова, и все поняли это как согласие. Из-под широкой складки клетчатого шарфа у него всё ещё сочилась слабая полоска крови.

— Дай сюда свой ящик, — сказала Нина ему вслед. — Я говорю, руку, не ящик.

В холле на втором этаже на ветхом стуле был поставлен дневной почтовый фонарь с записками. Римка, пока её уводили завтракать, вопила от всей души. Неужто честному человеку преступно захотеть мяч, когда творящаяся у него над головой полная непроглядности и бестолковости жизнь взрослых раз за разом обозначала этот мяч одним словом «жди». У Нины потеплело в животе от её возмущения. Нормальная девочка. Таким потом достаются самые интересные взрослые неприятности.

К девяти часам о помидоре узнали в семи жилых квартирах и в бывшей курительной на третьем. К одиннадцати Семёновна поставила у входа в теплицу ящик с аккуратно подрезанными ступеньками для детей, чтобы никакие босые пятки не топтали ей по доброй воле рассаду. Служба у прибывавших через мост моряков в пятницу не начиналась, и человеку шесть из прошлогоднего буксира пришлось брать пропуск каждому по очереди в оранжерею. Они входили без шапок и сразу выставляли руки вперёд, точно шли за благословением. Последним подтянулся Илларион Горин, гордо охваченный чистой повязкой с рисунком куриных следов.

— Предлагаю, — сказал он громко, — завтра в час сделать последнее посещение, а потом снять кино на пруду про важное экспортное для районной бухгалтерии историческое событие. И поделить, если уважаемое начальство позволит. Так-то нас в доме тридцать один, из человеколюбия этот каштан на всех особо и не размажешь. Глядеть стыдно, а съесть ещё стыднее.

— При неразвитости торгового дела бесполезно увеличивать оборот, — ответила Нина. — Сначала помидор должен поспеть настолько, чтобы его внутреннее содержимое могло дать жизнь следующему. По-вашему, в бухгалтерии таковых понятий не бывало?

— В бухгалтерии, Нина, если у тебя в натуре один помидор, а в книгах прошло два, один из них обязательно слопала незримая бухгалтерская комиссия. Кто сегодня дежурит на восьмом?

— Даша.

— Попроси считать тех, кто сможет пройти сюда ночью. Там дальнее окошечко насчёт ветра держит плохо. И вообще, раз уж ты всем показала затею на целую страну, не возражай, если я нарисую на входной доске очередь. Сходили и хорошо.

Нина взялась за черенок молотка. Ей расхотелось говорить с человеком, у которого семь целых лет до пенсии и две подрастающие племянницы на другом берегу вытравили из характера всё радостное любопытство, кроме ненужного желания повторить карандашом уже отмеренное природой число.

— Горин, — позвала она вдогонку, — после твоих плеч в проёме дверном сразу на пять градусов ниже. Повернись, пожалуйста, боком.

Он послушался. Не для неё. С тех пор, как Нина потратила два часа, расписывая на стене два одинаковых плечистых силуэта — один красный, второй синий, — ни одному солидному мужчине в доме не было возможности по-настоящему восстановить своё достоинство в проёме. Кто входил боком, тот молчал. Кто прямо — тому вслед немедленно кричали: «Не веди плечами, не танцуй, ты не на утреннике».

Девочка по прозвищу Грач пришла к Нине за полчаса до вечернего колокола. Всю её мокрую одежду и тёмный пушок под ушами сегодня в буквальном смысле облепил сухой овёс. С борта поднимали лопнувший мешок с дровами для кухонницы. Под самим мешком долгое время, видимо, жили две наглые лошади; принадлежавшая им истончённая кормушка и освежила внешний вид прибывшей на службу сменщицы. Нина решительно отряхнула у неё из-за ушей невидимых коней на пол.

— Покажи, — распорядилась она. — Я уже слышала, что ты сегодня третий раз караул за другого берёшь. А завтра опять через воду. Дашка, так можно и свалиться на полном ходу в речку. На той стороне тебя никто не станет ловить, знаешь ли.

— Раз уж ты меня по имени зовёшь, тогда всё серьёзно, — одновременно деловито и недовольно сказала девушка. — Показывать чего?

— Мозоль на пятке. Тётка твоя жаловалась, что ты ботинки сама себе рихтуешь, прости господи, с камнем в подкладке.

— Они промокают. А с камнем у них дырочка прижимается. Я ещё не переплела ремешок. Когда будет день, тогда вытащу.

— День был сегодня. Другими вещами можно заниматься днём. Если бы мне семнадцать лет давал право вносить поправки в течение суток, я бы так и под себя вполне подстроила. Здоровый восьмой этаж, холодильник синий на два, двенадцать почти человеческих мужчин вокруг и тридцать свободных часов между последним дежурством и первым следующим.

Она дёрнула пальцами за шнурок. Даша заняла одной ногой жестяное корыто, другой перевёрнутый жестяной таз, так что вместе из них получились точные весы для человека, которому решительно незачем взвешиваться. Мозоль оказалось возможно прикрыть кусочком мягкой кожи. Для этого девушке пришлось почти уйти в сон, положив макушку Нине на плечо. Потом она выгребла из кармана плотный надорванный пакет.

— Тебе. С Лисьих свай, передавал дежурный. Сказал: «Хозяйке окон». Желательно сегодня.

Нина надорвала конверт, ожидая высыпавшихся семян или счёта за прошлогоднюю соль. Внутри лежала широкая жёлтая пуговица. Одна из тех четырёхсоставных, для чьих металлических колечек она в старые времена заказывала отдельно белую эмаль, которая держалась на холоде гораздо дольше прочих.

Если вещь носить целых два года, дырочки в ней будут выглядеть по-другому. Эту едва неделю как отогнули с фабричной картонки. Внутри не осталось совсем ниток. И за крошечную царапину с изнанки не зацепился ни единый волосок.

— Есть что-нибудь ещё?

— Ничего.

— Кто дал, ты сказала?

— Дежурный с Лисьих свай, он получил из Прядильни. Откуда они получили, мне не перезвонили. В этих-то местах иногда письма с того берега, ещё от сухого дока. К слову, откуда носки в полоску, которые на мне, тоже можно спрашивать через воду. Только какой подлинности ты ждёшь спустя два года плохого света?

Работу Нины Скобы прежде носило полобласти, когда жизнь ещё умела придать смысл относительной бесполезности праздничной одежды. Круглые маменькины руки шили пуговицы. Нинины руки умели кроить и резать ткань с таким выражением лица, что принимавшая вещицу женщина никогда не решилась бы спросить, почему за это берут так много. Пуговица могла просто пойти гулять по свету из давно умерших рук. За последние годы так случалось со многими вещами.

Нина молча закрыла конверт и убрала его в оловянную коробку для сдачи, в которой теперь помещалась маленькая катушка золотой нитки вместе с полным набором прежних, очень скромных семейных чудес. Ни одной фотографии. Все фотографии остались у её младшей сестры. Уж это-то не менялось ни в какое серое лето.

— Через два часа загляну сменить тебя, — сказала она. — Мать просила, чтобы ты, когда с неё спадёт эта её поганая вторая смена у лодочников, дождалась у себя дома. В присутствии матери можешь ещё разок изобразить, как далеко от твоего возраста твоему собственному мутовчатому сознанию и как мать ещё не избавилась от интереса зря укутывать взрослого человека. А пока увидишь хоть снега немного — подставь ту плошку широкую, листья вправо от неё за ночь уже отогнутся.

Даша прошла в теплицу, пересела на табурет с трёхцветным смешным сиденьем и посмотрела на помидор. Разговаривать с ним ей не пришло в голову. Можно было бы сосчитать, сколько наверху сохранилось листков. А можно было просто сидеть и смотреть тысячу лет на не столь высокое чудо, чтобы дотянуться до него и не вести счёт. Нина на миг позавидовала положению курьера. Тот, кто на почте с сортировкой окончательно разобрался только к семнадцатому году своей жизни, мог видеть всё это в первый раз.

В конце коридора висел кусок тёмного театрального бархата с каймой. Все приливы света из-под стекла днём шли сюда, останавливались у тонкой почти шерстяной поверхности и гасли. Порой Нина думала, до чего прекрасные у неё получились бы из такой вещи подвенечные туфли. Теперь даже по оставшимся именам домов и речных пристаней никто не взял бы такой пары в грязную воду и на палубу.

Она поднялась через два часа, как обещала, с тёплым платком и картофельной крошкой, поджаренной на сухой сковороде. Чугун в её руках остывал, Весельчак Горин распевал внизу песню, никого не слушая. Даша сидела на месте. Только через приоткрытую занавеску теперь сильно тянуло сырой мукой.

Нина завернулась до бровей. Синяя дверь холодильника тихо билась о деревянную полочку. Пальцы к концу дня совершенно забыли утреннее февральское тепло от помидора, но ещё чуть помнили ожог радости от его кожицы. Сквозь стекло глядело четырёхугольное ночное небо над невесть куда ушедшей домой дежурной рекой.

Зелёный хвостик висел на нитке собственного растения. Помидора под ним больше не было.

Глава 2. Кусок старого неба

Само место под пропажей оставалось удивительно чистым. Нина провела пальцем по деревянной полке, посмотрела на подушечку. Если бы птица расклевала плод — на краю горшка была бы мякоть. Если б взяла самая маленькая из Галиных знакомых, об этом теперь знало бы всё Устье. Кусок бечёвки, которым она до сих пор дважды обводила ветку, был завязан по-прежнему; да так терпеливо, с такой старательностью, что при всём собственном разгильдяйстве в производственных делах домой она бы такого терпеливого не взяла.

Грач смотрела прямо перед собой, на крышу напротив. За низким парапетом темнел старый ресторанный навес. От него к соседнему дому тянулась толстая верёвка. Белья на ней не развешивали. За ту зиму покрывало, однажды оставленное на верёвке, примерзло к ней насовсем. Иногда оно волновало молодых: люди забывали приходить за домом с бельём. Когда-то на этом куске материи можно было устроить кукольное представление со множеством говорящих лиц.

— Не надо гадать, — сказала Нина. — Сейчас я отмерю молча до двадцати, и тогда уйдём по домам спать. Не хочу я одна тут с тобой сидеть, когда на дворе холод собачий.

— Я и так дома, — сказала Даша. — Какие нам ещё дома полагаются.

Ей надо было починить страшную свою патлату́ю книгу для переписи. Нина нарочно думала не про то, куда делся помидор, а про то, что вот даже короткое, заевшее в шпульке дело нельзя как следует сделать и забыть. На неё прямо смотрела девушка семнадцати лет. Клинопись чёрных бровей, облезлый воротник, две желтоватые крупинки торчали над ухом, когда она на свет поворачивалась. Горла высказать прямыми словами, что у неё перед носом кто-то открыл дверь, прошёл в теплицу и вышел, девушке наверняка хватило бы сразу на двоих. А вот выбрать себе правильную правду она ещё не успела. Наоборот, возможно, выбрала её преждевременно.

— Дашка. Ты всё это время здесь была?

— До последней минуты. Ходила вниз посуду от кипятка отдать. Шагов пятнадцать от меня. Дверь закрыла. Я всё сделала.

— Кто тут был?

— Были жильцы.

— Экая трудность. Жильцы. Желудки у них тут тоже свои, ты думаешь, я не замечаю? Ты считаешь, я взяла бы да заставила всю нашу малую детскую команду поутру сдавать зубы на проверку, у кого в зубах застряло семечко? Кому ты у нас не доверяешь?

Даша двумя пальцами поёрзала на висевшей у стенки пуговице. Тёплая точка врезалась в горячую от работы подушечку. За окном несколько человек по очереди дёрнули ведро на почтовой верёвке: раз — «дошли», два — «есть посылка». В промежутке кто-то будто отдыхал, точно у самого конца лесенки перед их входом надо было собраться с силами и спросить себя: чего так много дней сюда носил?

— Не знаю, — тихо ответила девушка.

Если в другой день, взрослыми голосами и в присутствии трёх зрителей, — это был бы повод устроить скандал. Нина злилась никак не на то, что у неё унесли красный плод, который вот только показался ей утром. Её занимало куда более мелкое, гораздо труднее выговариваемое обстоятельство: кто-то из тех, кому она раздавала надежду еще со вчерашнего вечера совершенно даром, посчитал себя свободным одну такую надежду взять. Теперь в этой надежде она, по всей вероятности, числилась последней из всех тридцати одного. Было в том нечто издевательское, откровенно смешное. Растила своё весёлое яичко, а на память получила половину зеленого воротничка, из которого теперь выпустят нового сырого цыплёнка на радость другим.

Внизу несколько раз послышался короткий топот. Одна из девчонок запустила на лестницу соседского чёрного пса Мешка. Тот давно уже перестал быть для них собакой — считал себя дежурным, когда приносят ведро, должен был предупредить застрявшего в углу дома взрослого. Делал это совершенно по-человечески: сгибался на передних лапах, взвизгивал и, не дождавшись заметного внимания, одним движением сглатывал всё, что ему удавалось утащить. Тётка Мешка работала у ветрового генератора, дядька у больших лодок, родной за него, насколько позволяла вывешенная у ворот опись, был ни один из живущих в доме. Собаку кормили по очереди.

— Была кошка Галина? — спросила Нина.

— Кошки выкрасть целый помидор, привязанный к ветке твоим же узелком, в Устье пока не учатся. Что крови от меня хочешь? Я могу до утра насидеть. Пошла бы спать.

— Кошка Галина — начальная учительница, у нас теперь чёртова дюжина Галин с разными хвостами, и я желаю знать, заглядывала ли она тебе за спину. Если кого-то боишься назвать, назови. Если пообещала не назвать — выйди скажи это человеку сама.

— Ты можешь повесить замок, — произнесла Даша, словно продолжала про себя совсем другой разговор. — На теплицу я имею в виду, Нин. С тем, кто придёт к тебе в дом потом, спрашивай, на сколько тебя хватит. Я у двери не для того, чтобы мне все рассказывали, что вынесли из твоей жизни.

В кухне внизу медленно умирал огонь. Так думали про эту встречу потом, приукрашивая её для тех, кто не видел, как они встретились. На самом деле в общей котельной ждали родственников и не собирались тушить плиту ещё часа два. За незапертым кухонным стеклом внизу тёплый красный отблеск от залатанной задвижки дважды тронул тёмный подоконник. Гномик, которым дети обычно встречали его, на этот раз спал у своей хозяйки.

— Иди к матери, — сказала Нина. — Только пока я решу, что всем людям сказать утром, не рассказывай на каждом шагу, что тут получилось. Ладно?

— На каждом шагу не скажу.

Даша схватила свою рваную книжку и выскочила в коридор. Нина осталась одна. Полка с ящиками от стекла почти светилась. В серой темноте, где тёплый город давно растратил остаток огней, несколько больших широких листьев изо всех сил давали ему новую тень.

За сиденьем табурета валялся кусочек старого неба — пожелтевшая этикетка на голубом кусочке картона от детского набора новогодних ёлочных игрушек. Нина наклонилась и взяла в руку. Краска в правом углу смылась. Остались две крошечные золотые ножки ищущей что-то на зимних ветках птицы. Оборот разлиновали простым карандашом в клеточку. Никакой новости в этом не было. Последнюю собственную счётную книгу в доме Илларион Горин с тех самых пор, как появился второй печной ярус, сумел уже разделить на пять полезных политических сфер. Те, кто весной два года назад согласились бы на укороченный день с сохранением оклада, теперь часами составляли в этих полях буквальные списки своих одеял и домашних черепах, пока не пришло время уезжать на южную сторону.

Кто-кто, а Горин как раз желал, чтобы никто никуда не уезжал. За своего пушного капитана они держались слишком дружно. Одна потерянная особа, если бы кому-нибудь вздумалось слечь во второй комнате и лежать там до полудня, обязывала всех, кто пошёл к Горину за его добрым словом, снова влезть по лестнице и проверить.

Странно, подумала Нина, взрослому остаётся так мало направлений для движения, когда вдруг должна решить за него судьба. Дети знают, что один предмет можно с пола высунуть вверх, поднять над головой, положить в рот, а одну губу спрятать внутрь. Все сразу вещи ни разу не делают, только потому у них и получаются новые. А взрослые, когда им станет действительно плохо, могут или запереть собственную дверь, или броситься к соседу с уверенностью, что его дверь навсегда закреплена открытой.

Потолочный глазок над тренировочным швейным столом отбивал свет многими пустыми углами. Нина перенесла табурет и поставила под ближнюю к стенке ватную штору. В этой старой комнате в середине ноября прошлого года впервые перестало мёрзнуть ведро воды. Галина сперва обнаружила, что её чай остался тёплым даже под утро. Нина ставила на ночь воду в большом эмалированном кувшине для мытья рукавиц и узнала, что до следующего дня вода не превращается в лёд. На следующий день полки подняли чуть выше, первые горшки в полной темноте проросли, вытянулись в белые нитки и легли одна за другой. Самое первое тепло в Устье отыскали безо всякого прибора, людскими ладонями. Теперь по спору целых двух человек о помидоре кругом были слышны только чужие шаги.

Нина сняла с гвоздя ключ от собственной комнаты, вышла и не заперла теплицу. Ключ она положила в карман рядом с жёлтой вчерашней пуговицей. Едва убрала обе вещи, как они влипли одна в другую, и стало ясно, что без долгого раздражения не расцепятся.

Варю Ремень она застала в переходе на пятом этаже. У той в старом детском рюкзаке торчали из мелких квадратных карманов два куска полированного стекла. Обхватив материнские колени двумя руками, на полу спала Даша. Её почти сразу после ночного дежурства умело выключало посреди жизни, в любом положении рядом с людьми.

— Поговорить пришла? — глухо спросила Варя.

— Завтра. Я просто девчонку хотела найти. Что за стекло?

— Тебе. На восьмом мне показалось, что с одного угла капает. Ты с грабителями-то разобралась?

— А откуда известно про грабителей? Никого из нас в комнате, когда мы это выяснили, не было.

— Кузька младший посмотрел в замочную дырку. Если приглядываться почаще, всё на свете можно увидеть в одну дырку. Я сама в её возрасте таким способом добралась до всех соседских секретов. И что, это правда? Я думала, врут.

— Да.

Варя посмотрела на спящую дочь. У той в ладони зажата была рваная почтовая книжка. Даже во сне, когда откинулась на мамину ногу, она не отпустила её. У вариной левой брови пролегла резкая морщинка — возможно, подумала о том же, что Нина, когда поняла: Даша что-то знает, считает нужным это для себя сохранить и ни одной живой душе пока не хочет отдавать.

— Прежде чем меня спросишь, — сказала Варя, — я днём на Лисьих сваях увидела след от нового настоящего стекла. Большие рамы по воде возят. И всё на ту сторону. В отдел до сих пор не прислали расписание, до субботы вот тоже не велено размещать на поездки семейных с детьми. Они чего-то ждут. Это не про твою бедную маленькую грядку, Нина. Там дела побольше теплицы. Если Дашка услышала, мол, у Прядильни даровые стёкла, отбила у тебя из-под носа половину хозяйства, чтобы поменять, я её собственными руками выпорю, но наутро.

— Ты её пальцем не тронула ни разу, — произнесла Нина.

— Ну вот с утра начну. Можешь её пока нести на себе за меня. Вторую руку я на палубе почти отморозила.

Они принесли Дашу к кровати. Девушка проснулась, отпустила чужие тёплые плечи и пробормотала в подушку:

— Дальше врежемся. Временно к левым.

Нина постояла у окна ещё немного, потом вернулась наверх. Пуговица в кармане устроилась так, что в самом неудобном месте тыкала усиками в бедро. Следовало бы её оставить внизу. Но теперь дурное, самое простое подозрение, почему-то гораздо страшнее известий о погибшей сестре, стало доходить до неё на каждом пятом шагу. Именно Дора в детстве так

и делала: спрячешь предложение в настоящую вещь и пустишь к другим, посмотрим, есть ли ещё кто живой в доме, помнящий, как играют в почту.

Нина остановилась перед собственной дверью. Нет. Стукнула ладонью по боковой стойке. Нет, ты что. У утонувшего человека совсем по-другому пишут тушью имя. Под линейку, берег почтовый, дата. А там пришла жёлтая пуговица, поцарапанная совсем по-новому. Её некому было знать, где найти, кроме той самой спокойной, сердитой на всех тонкопалой дуры.

Утром свет в теплицу вошёл с такой ясностью, что на дальнем берегу едва не обозначились оконные рамы Прядильни. Семёновна и Горин явились к пустому месту почти одновременно. Нина ждала всех на выставленном в проход табурете. В маленькой ладони напротив Римка жевала холодную свёклу. Измятый зелёный хвостик на ветке с расстояния трёх шагов казался ещё живее, чем вчера красный томат.

— Слушайте сюда, — сказала Нина. — Замки ни на что в моём собственном помещении вешать пока не буду. Ни сегодня, ни ночью. Кто забрал, пусть сам объяснит, если в состоянии. Но хочу попросить одну вещь. Три дня я не буду спрашивать. А потом я спрошу у всех.

Ей сейчас же заполнили всю комнату голосами, кто сколько раз за ночь просыпался, кому вышла кошка на поперечном ходе старой лестницы, на что похож спавший на чьих-то сапогах чёрный пёс. Семёновна стояла в свету. Кажется, она лично на себе знала цену трём дням. Распахнула перед вошедшими внутреннюю занавеску и пропустила всех вовнутрь той по-прежнему тёплой жизни, которую уже не вернёшь ни одним припоздавшим вопросом.

Глава 3. Светляки почтового ведомства

За первый день в пропаже признались и стар и млад. Римка сказала «ам» и очень натурально подвигала челюстями. Паша Серяков предложил Нине сброситься пуговицами, рассадой или в чём нынче выражается стоимость помидора, только чтобы его жену перестали называть по его фамилии, потому что пожениться они так и не успели. Леська призналась без слов. Вышла перед завтраком у дежурного окошка, сгребла ладонью весь свой согнутый рисунок, подала Нине. На рисунке красные кружочки были начерчены всем восьмиэтажным жильцам вместо головы.

— Точка — это помидор, — сказала Нина. — Я поняла.

— Нет, это такое у вас бывает лицо. А это рыба. Рыба на вас смотрит прямо снизу, из нижнего коридора.

— Сейчас там воды с полступени.

— Ей хватает. Ты хотела про помидор спросить?

— Через три дня спрошу. Сейчас можешь сказать, если хочется.

— Я вчера с мамой ела свёклу. Красную.

— Ваше дело, если свёклу.

— У нас раньше был сосед. Он пришёл домой с войны и говорил, что свёкла — это красная картошка. Когда рисовал мне свою хорошую жизнь, у него всё становилось картошкой. Мышь — это серая картошка, только с руками. Маленькие дети с кровати смогут ходить, хотя и картошки. Потом его жена забрала к себе в город. Я его голос забыла. Он у нас остался на девятом этаже? Ты наверху, я по этому и спрашиваю.

— У нас не было девятого этажа. На девятом одни фотографированные невесты и женихи, — сказала Нина и присела: ребёнок вытягивал кверху шею, слишком уж буквально представляя себе прямую речь. — Светлячки у тебя где?

— Разлетелись. Мама сказала, я могу ещё сделать. Надо только чтобы их относили кому-нибудь, а то все прикнопишь на шторы, потом они в мусор, а я их долго вырезаю.

Нина взяла у неё бумажного жука, довольно толстого, с концом из фольги. Брюшко было сшито настоящей ниткой с золотистым волосом. Раньше невесты вплетали такой в причёски. «Добавить солнца» — писали в заказе. Маленький жук состоял из жатого фольгового квадратика, коричневой бумаги из-под корицы и такой нитки. Его было за что взять, можно было перемещать на расстояние вытянутой руки. Предполагалось, что он летит.

— Давай первому, кто согласится его куда-нибудь отвезти, дадим жука. Спросим, на какой высоте он будет лететь. Есть у тебя простой карандаш? Я запишу.

Леська носила свой карандаш в голенище левого сапога. Голенище растянулось, туда должно было влезть половинное собрание кухонных приборов, если их заранее где-нибудь найти.

Она бегом пошла впереди Нины на пристань. Старые ступени спускались двумя ветками. По нижней вели мокрые следы в помещение прежнего переплётного цеха. По верхней ходили на пристань и за ведром капусты к Галиной тётке. Тем же путём им попалась Варя с охапкой тёплых сухих щепок. Левой рукой она обняла дочь Сони поперёк, правой придерживала щепки, оттого сама наклонилась и ударилась о медное кольцо на двери.

— Не бегай так. Передо мной прямо маленького человека уронили. Нина, если кто скажет, что моя заснула на дежурстве, ты мне скажи кто.

— Своей скажи, что я о ней думаю хорошо.

— Кому? Даше? Ты сама скажи. Меня у неё нет сейчас за человека. Я сдвигаю её вещи, у неё пропадает порядок, я говорю «ешь», а ей уже, оказывается, семнадцать. Ей на завтрак

не случалось последние два месяца попадать домой, и это мы типа обе устроили всеумной и страшно счастливой семье. Ну ладно, идите, пока ещё дождь внутрь самого себя не пошёл.

На улице дождя не было. Дул ветер, полоса чистой открытой воды раздвинулась на ширину баржи, и налево за пухлыми ледяными полями выбралась первая тёмно-жёлтая посудинка. Поверх её надстройки качались мужские кальсоны. Рубка была затянута куском зелёного навеса от летнего кафе. Шла она не к пристани. Вела длинную лодку, забитую корзинами, и той предстояло отцепиться и добраться до берега. Кальсоны, назло погоде, замечательно сохли.

— Это пекарь? На борт нельзя. Будем на берегу стоять. Первый человек согласится, он пошлёт ответ.

— А если нет? — спросила Нина.

Леська подумала.

— Тогда останется у себя жить. Не каждый же на полёт годится.

В толпе было пятнадцать взрослых, три детские шапочки в рост двух нижних досок и пёс Вакулы, которого ещё осенью увезли в Речной с мясной баржей. Через неделю он сбежал и теперь счастливым усатым мешком сидел на почте в изгибе реки. За пекарем пошлёпал крупный серый гусь. Серым его называли против собственного разумения: гусь был весь в бурой стружке. Нина посмотрела на две толстые лапы с перепонками и решила, что гуся выстругали. Две птицы прежде стояли по бокам вывески городской хинкальной, внутри одной птицы звучал звонок. Пекарь спрятал под крыло простое мелкое письмо. Сказал первому в толпе:

— Кто к Кожевенной идёт? У девчонки заболели уши, мельницу прислали сделать, бумажку отдельно.

Кто-то взял деревянную птицу и номер, кому-то передали тёплую коробку. Стали выгружать хлеб. Ни одного надреза у буханок не было, как будто пекарю разрешали делать только одну круглую форму и давали на пробу другие цвета. Конопляная посыпка, репный хлеб, подгоревшие с одной стороны, у этих даже цена на клинышке поменьше. Он заметил Леську прежде, чем она успела ударить его жуком по подбородку.

— Этот летает? Я на палубе сплю. Не хочу, чтобы нос щекотал.

— А вы на какой высоте будете плыть?

— Если от воды считать, то спину мою всю видно. Если из наших домов, ноль метров, девочка. Тут до Прядильни вижу только крыши высоких домов. Идите с мамкой к хлебным ящикам. Здесь ногой между лодкой и ступенью можно застрять, потом до обеда тебя оттуда всеми сказками за уши тянуть.

— Я у неё при карандаше, — сказала Нина. — Мамка работает. Нам надо передать подарок тому, кто сам согласится его куда-нибудь довезти. Расстояние не определено. До молодой жёлтой улицы, хотя бы.

Тогда пекарь взял жука за нитку. У него были толстые пальцы, покрытые гладкой коркой муки, как будто старик уже и сам его испёк. Он прицепил к правому нагрудному карману одну из своих дырявых прищепок и поднёс Леське фирменную ладонь расписаться. Она вывела на ней «Л». Подумала и прибавила «Я».

— Добро, — сказал пекарь, строго оглядев накладную. — Какой-нибудь ответ полагается?

— Какой захотите. Укажите только, кто получил, а то она не узнает, — сказала Нина.

Пекарь глянул на неё из-под самой козырьковой кнопки.

— Вы с восьмого? Я позавчера жёлтую коробку отсюда взял. То ещё задание. Ваши от меня нечасто просят груз в обе стороны возить. Вы научите вот таких ваших, у кого пока своя исправная голова, что запрашивать ответ полезнее, чем заказывать как пирог. Вдруг там по большому счёту некому отвечать?

— А кто коробку дал?

Леська дёрнула Нину за пальто. Нина откусила окончание вопроса, едва не прикусив себе язык. Она все-таки обещала не спрашивать. Пекарь был взрослый, в доме не жил, но и Леська смотрела вовсе не на него.

— Кто дал вот этих детишек, — переделала вопрос Нина, — с сахаром или с солью?

Пекарь предпочёл не заметить, что очнуться русскому языку полагается от более осмысленного вопроса. Он указал на присыпанный серым стручок теста, похожий на ребячью ногу в брючине.

— Ни сахара, ни соли. Тут тоньше. Смородиновый лист прошёл под печкой, что-то осталось. Возьмите. Только уж коли вы на свой восьмой этаж потащите, имейте в виду: к третьему черствеет, к шестому его можно класть вместо обвалившегося кирпича. А вы, — сказал он Леське, — вы давайте берегите мать. Отцы свои руки не всегда умеют находить. Им нужна карта.

У Леськи оказался отец. Мало того, он как раз в этот день разгружал те самые ящики и смотрел сейчас с плота через плечо Вакулы, куда пошли две его женщины. Нина вдруг это узнала по взгляду: ребёнок целиком развернулся к нему лицом, выставил самый хороший свой зуб, левый передний. Тот показал левый взрослый. Она отвернулась и снова взяла Нину за руку.

— Он с тобой? — спросила Нина.

— Мы не в одном доме, а по утрам почти всегда вместе. Когда тепло, он меня учит петь и кидать мяч. Мы пём смешно. У него выходит как у печки, а у меня как у того, кто в печке.

Нина только кивнула. Люди, которым хотелось знать, кто съел один выбранный всеми помидор, оказывались людьми, о которых она не знала самых простых вещей. Целое население шло у неё под окнами то в одну, то в другую сторону со своими гусями, животами, товарищами и солью.

На углу пристани висела карта на двух гвоздях, покрытая пятнами жира и голодными шевелящимися тенями от светлого льда. Карту составили прежде по зимним уровням, при которых лодка могла сесть на единственную песчаную гряду в центральном русле. Руки Даши там ещё не было. Нина только сейчас заметила, что почти все остановки и названия улиц старая рука склеивала одними, уже выцветшими лиловыми чернилами. А новые названия выступали на этом старом рисунке пачками и огрызками: «Где Эдик», «За Раем» и на её собственном берегу «Пуговицы».

— Кто это написал? — спросила Нина.

— По-твоему, это почему «Пуговицы»? Ты же всю жизнь тут их гладишь. Мам, я дала ему жука!

Соня на ходу пересчитала дочь, жука, хлеб и старую закройщицу и отпустила всех четверых. Сама была занята: на дверях нижнего коридора вклеивали плотный кусок последней сухой бумаги и ставили дату, где ударилась о стены ночная вода. Там уже стояла предыдущая дата. Новая полоска была выше на ширину четырёх Леськиных пальцев. Ребёнок сперва положил ладонь взрослого, потом собственную. Отметил на пальцах карандашом обе чёрточки, словно решил придать рисунку сколько-нибудь полезное значение.

Нина успела спросить у пекаря, вернётся ли он в пятницу, и услышала «если сам захочу и вода отпустит». До того, как он отвернулся, успела разглядеть под обвисшей полосой зелёного навеса ещё один ящик. Крышка на нём была новая и жёлтая. Ей захотелось подержать ладонь на крашеном дереве, понюхать, как долго дерево помнит солнце от тех мест, где выросло. Она не пошла на лодку. Всё это пока не имело к ней отношения. На обратном пути Леська лезла на каждую ступеньку задом наперёд, лишь бы подольше видеть хлебную лодку.

Глава 4. Кто согласен получить письмо

На втором этаже стоял шкаф с бирками. Если жильцу везли из другого дома кусок мела или банку, он срывал чистую бирку и записывал на ней своё имя. Потом её вешали на ручку синего шкафчика. Почтальон и без того знал, куда попал, но домой заходил в темноте и зимой не всегда мог выговорить все буквы людям, которые его слушали. Бирки были большими, чёрного толстого картона, с надписанными мелом краями. В темноте их можно было различить на ощупь. Леська держала там девять бирок «Маме». Женщина по имени Мама установила правило: не больше двух в неделю, пока в доме есть и другие дамы.

На этот раз в шкафу лежал конверт с надписью «Варе. Дай, если сама захочет». Последняя фраза потребовалась, потому что иначе Варя Ремень непременно решила бы работу бросить, день поделить на совершенно новые части и помчаться на склад сортировать чьи-нибудь чужие драгоценности. Даша вытащила из своего кармана конверт с памяточкой, встала на чистый подоконник и принялась писать. На конверте было лицо матери. Глаза и рот уже были нарисованы по смятой линии. Всё, что оставалось, — дописать ухо. Она нарисовала пряжку, тень от шапки, сверху нос другой женщины, высунувшейся посмотреть, не идёт ли кто по реке.

— Это даже мне можно смотреть? — спросила Нина.

— Я уже думаю, может, вам зарплату платить, чтобы вы со мной всюду ходили матери на смену, — сказала Даша, но подоконник освободила. — Все разом стали хорошие. Мне Леська целый час про жука рассказывала, потом станционный буфетчик позвал куда-то картошку выбирать и по дороге прямо между двух кочанов спрашивает: «А ты видела-то, кто?» Вторые сутки только, а наш буфетчик уже час себе сочинил подходящий.

— Не отвечай, — сказала Нина. — Я ведь у тебя не спрашивала?

— Вы только меня не спрашиваете. Все остальные делают вопрос такими глазами, что можно заднюю стенку шкафа увидеть насквозь.

Нина присела у шкафчика. Пальцы почернели от мела и копоти. На ступенях тихо шелестела вода. Где-то за закрытым берегом всю ночь стучали в пустую днищевую бочку. Так резко отзывается иногда крыло дома, если его разбудить снизу.

— Ты помнишь, на старых тонких картах были почтовые рожки? — спросила она. — Жёлтые. Внизу ещё стояла кобылка, она очертаниями рубиновая. Я нашла в шкафу одно платье с такой подкладкой. Невеста заказала себе платье из ткани для почтовых, вернее сказать, из этого полотна собирались шить швейцарскую штору. Потом отец невесты купил остаток. Платье в готовом виде светилось синим, а стоило присесть — торчала лошадиная морда.

— Это которая у вас на свадьбе с сестрой танцевала?

— Мы вообще на свадьбе танцевали семь раз: то одну закройщицу позовут, то другую. Сама выходила замуж только Дора. Она решила, что в платье, которое сшила себе сама, ей всю жизнь придётся поправлять подол, и пошла в моём сером пальто. Подкладку показала мужу на третий день. Кажется, он не переживал.

— Значит, вам будет не страшно, если кто-то захочет получить письмо от этой сестры.

Нина взяла в руку и отпустила одну из бирок: «Мельник». Глупо было отвечать девчонке, что получить письма от мёртвой она не хотела бы точно так же, как и прийти к ней на собственные поминки. Тому, кто прожил семнадцать лет, мёртвых удавалось припомнить не так уж много, пока они с таким трудом расселялись после воды.

— Когда кто-то пишет, надо сначала посмотреть на бумагу, — сказала она. — Мне раз прислали открытку из монастыря и очень вежливо благодарили за варежки. Внутри подпись «брат Марк». Даже мужу Колькиной тётки показала. Отец не хотел слышать о церкви, так что ему особенно. Представляешь, как всех обидела чужая благодарность? Я ни одной варежки никакому Марку не вязала, и фигура у него такая, что варежка была бы ведро. Оказалась

открытка девочки, которая в монастырской прачечной работала. У девочки брат Марк, двенадцать лет. Варежки приезжали от Нины Стожаровой из того же нашего дома, а номер квартиры стёрся, и нам там перепутали.

Даша попробовала следующую, чистую бирку.

— Я вчера думала, отдам вам карту и больше никуда не пойду, — сказала она. — Есть что-то обидное в том, что все кругом ходят и могут ходить куда им заблагорассудится. А мне-то это работа. Говорят «свободная девочка районов шести». За полушубок работаю и на мать сколько-то оставляю. Вы давно видели, сколько стоят новые ботинки? У меня носок снаружи, который был внутри. И вы же забрали у меня из коробочки вот эту пуговицу.

Нина развязала завязанную тесьму и вытащила маленькую жёлтую пуговицу, что в первое утро оказалась у неё в руке. Её лицо изображало сердцевину большой махровой розы. Изнанка была белой, а у правого прокола темнела вмятина от тонкого щипца. Даша, слушавшая некогда обеих сестёр по другую сторону реки, держала сейчас внешний край так, как нужно держать дорогую оправу: ровно, на чёрной подложке из большого и среднего пальцев.

— Вы как раз такую слепили, не так? Ваша работа?

— Серединка моя. Шесть внутренних лепестков Дорины. Нас брат Марк не поблагодарит, потому что у нас почти всегда всё было на двоих. Она меня знала по тому, как я подшивала ей мутные четверговые крылья воротника. А это не по мне сделано. Мне не нравилось, что цвет бывает теплее внутри. Я всегда с наружного листка начинала. Ты мне скажи только, кем ты это считала. Чужой эстафетой? Или ты это мне принесла нарочно?

— У меня бумага была на ваш адрес. Имя вписано не как всегда. Для девочки Грача тушь, для Нины Скобы то же от руки. Я, знаете, тоже кому-то хотела сказать: «Приходите и смотрите, за сколько часов меня сегодня хватит с обещаниями». Бумагу с именем я в печке сожгла. Стало холодно.

Даша отодвинула со своей сумки тёплую пёструю попону. Внутри на отдельной подкладке были нашиты шесть карманов с широким кантом и ещё два очень глубоких. Однажды Нина сказала ей: «Всё это от большой любви к тебе у той, кто строчил карманы». Сейчас карманы выглядели как дешёвая маленькая квартира в сносимом доме. Целая жизнь менялась, а места для писем всё ещё можно было узнать безошибочно.

— Я хочу нарисовать новую карту, — сказала Даша. — Чтобы каждый сам находил, где сейчас вода, а где труба от Беловой бани торчит. Мне никто не обещал, но я думаю, меня могут взять учиться в сухом доке. Повезут туда, где людей с углём принимают. Не всю же жизнь ходить с сумкой.

— Карту надо. У меня без новых карт всё равно достоверность кончилась ещё в тот год, когда нам школу переименовали. Целый год после этого посылала девочек с их простудой в краеведческий музей, и мне никто не сообщил, что там больше нет никакой школы. Пойдём. Я обещала Семёновне показать, на какую половину личико смотрит.

В тот вечер они сидели у подросткового зеркала со снятой амальгамой. Даша рисовала новый слой берега на старой кальке. Сухие синие двери шкафов выстраивались в четыре ряда. Нина подбором одной и той же стежки медленно сумела подобрать попону под правый карман. За два года руки отвыкли от того внимательного занятия, которое требует, чтобы голос не подсказывал пальцам слишком часто.

Сеня подошла к ним с чашкой и положила рядом старый чёрно-белый лист. На нём был рисунок из детской книги: три дамы в бальных платьях играли в волейбол. Слишком низкая сетка. Внутри оставили место для раскраски. Почему-то кто-то старательно закрасил все босые пятки женщин в интенсивный апельсиновый цвет.

— Смешно? — спросила Сеня. — Это я в девять лет красила. Другого карандаша не было. Хотела сунуть куда-нибудь девочке Леське. Чтобы знала, что она не первая, кому ногу бывает удобнее разрисовать, чем лицо.

— Сама подари.

— Я стариковское лицо от своего детского всё как-то отделяю внутри. Если она увидит, как я раскрасила, думать будет, что я уже девочкой была с зубами вставными. Хочу остаться в истории спортивной шестью апельсиновыми пятками.

Даша повернулась к ним, и Нина поймала в маленьком отражении две пары глаз. Сеня смотрела на пальцы Даши. Даша смотрела, как Сеня сжимает край остывающей чашки. Ни в одном из лиц не было даже маленького удовольствия, с которым люди обычно узнают, что у них появился общий соучастник. Скорее и та и другая ждали с той стороны рубежа чего-нибудь, что может оказаться совсем не тем, чего они надеются дождаться вместе.

— От пекаря письмо придёт? — спросила Леська из коридора.

Сеня выронила ложку.

— Мне, — уточнила Леська. — Мне же должен прийти листок, что светляк нашёл адрес. Вдруг туда, где красный сарай, нельзя проходить? Его же могут посадить на самое пугало.

Три женщины молчали. Самая младшая взяла бумажного жука, посадила Леське на самое ухо и поверх напялила шапку. Водяные часы в порту пробили шесть. Нина вспомнила, как далеко заходили их с Дорой старые игры в почту, и не попыталась прогнать это воспоминание, когда ночью из щели под дверью в мастерскую просунули полоску бумаги. На полоске было от руки нацарапано «до открытой воды один рейс». Не подпись и даже не обещание, всего лишь время, когда по окнам на реке можно будет понять, доехал ли домой тот самый жёлтый ящик.

Глава 5. Жёлтый ящик

Пекарь вернулся без гуся и без кальсон. Была третья пятница февраля, и над Устьем весело качалась у себя на длинной привязи первая настоящая оттепель. С крыш уходила вода, мутная от бурого снега, собиралась в старых углублениях и оставляла на снегу голубой след. К полудню замёрзшие вчера лужи можно было принять за маленькие окна.

Нина с семи часов сидела на почте, обложившись мешками. Её приняли за новую дежурную, и пришлось дважды отыскать для каких-то незнакомых людей недельной давности отправления. Молодая женщина получила в подарок мешочек с двумя подошвами; подошвы она догадалась понюхать и осталась чрезвычайно довольна. Высокий человек в куртке, пробитой у плеч чем-то горячим, просил младенческое одеяло, а ему передали аккуратную стопку носовых платков, и с этой стопкой он простоял минут пять. Сначала платки почему-то смущали его. Он вытащил нижний, пожелтевший и тонкий, как крылышко семечки. На нём было вышито «Будь здоров, мой хороший Федька», отдельная буква на каждом углу, а остальное ползло мелкими букашками ближе к самому центру. Высокий без всякого стыда сложил лицо в эту самую старую надпись и зашёл за наколоченную для свиданий простынку. Никто не окликнул. У всех и так были собственные платки.

Ящик появился на носу последней лодки, привязанный шнуром к такой же жёлтой ножке. Сверху страдала промокшая баржа, тёмное здание над ней будто тяжело перебиралось с одного берега на другой. Нина выскочила на отмостку без шапки. На самом ветру поймала свою шапку у ног семнадцатилетнего курьера и уже собралась всунуть голову, когда оказалось, что это корабельная варежка с нашивкой.

— Вот вы бы хороший край нам на карте нарисовали, — сказал Вакула, выбираясь из лодки с мокрой верёвкой. — С такого берега, где можно в темноте вот без этой левой ноги жить. Ступеней было три до верхней кромки, есть одна, а за нею дальше воздух. Кто ещё уверен, что я обязан каждую пятницу приходить к семи, немедленно поставьте его возле плиты. Глаза завяжите, пусть оладьи по запаху переворачивает.

— Мне Леська давала, — сказала Нина. Слова соскользнули в сторону. Она хотела сказать про записку.

— Да тут уже целая очередь к этому светляку. Я с вокзала, а на вокзале весь второй этаж знает, что на теплоходе летают настоящие ночные черви. Мы сами воспитываем людей, которые считают, что у жука бывает семь ушей. Лезьте, что мешает.

Он поставил ящик перед ней. На крышке нарисован был дом в открытой книге. В красной зелени леса палки лежали как попало, забор опирался на светлую спину собаки. Рисунок был детский, яркий как печное стекло. Раньше здесь была бирка, от неё остались сухая нитка и прилипшее волокно.

— Мне расписаться?

— Тебе — именем, — сказал Вакула. — Твоей девочке пришёл с пекарского борта под гранитное имя. «Летающему отделу Нины Скобы и Леське в картонную шапку». Леська, видать, главный начальник. Плюс вручается, как трое слышали, не открывать больше никуда, если возвращается в тот же адрес. Из Батиной развилки третий парень сказал: «Если ваша сестра получила, пусть покажет старый билет». Значит, ты у нас получается сама себе неожиданная сестра? Тыкни тут пальцем.

Палец оставил на дереве речную крошку и никому не нужное сердцебиение. Нина прижала ящик к себе, поднялась обратно в окошко почты. На ржавой кромке остался жёлтый след. Стены, где люди из дома привычно ждали её хозяйской ловкой работы, совершенно сдвинулись по воде. Она села низко на ступеньку и некоторое время слушала гул, шедший из-под соседней двери.

— Открывать будете? — спросила Даша.

— Знаешь, что там?

— Не спрашивала. Я это не сама передавала. Но знаю, что вернулось.

— Кто «вернулось»? Что вернулось?

Даша потянула с ящика крышку. Дерево заметно сдвинулось, и залаяли на берегу псы. Уходила от ели деревянная грусть тёплого воздуха, старая пенька и совсем непонятный весенний запах раздавленного фрукта, который раньше никогда бы не назвали весенним. Глубоко в измятой серой бумаге лежал подмятый с боку помидор. Нина даже сначала не узнала его. Он стал таким красным в темноте, что с тонкой его кожи почти пропал естественный цвет, её хотелось погладить и убедиться, что краснота скорее живая, чем больная. Снизу и сбоку ещё был старый не затянувшийся рубец, где в начале января о ветку подхлестнуло кусок наждачной бумаги.

— Это он, — сказала Нина.

— Чудно. Пропавший помидор своей ногой из дома вышел и своей же ногой вернулся. А все думали, что съеден. Это у вас тут полиция бывает, или полагается просто большой праздник и пирог, если найдём?

— Вот ты смеёшься. А это первый. Я держала плод в руке два вечера подряд. Есть у него отметина. Если отдать его один раз незнакомому человеку, какое право я имею обижаться, что он вернулся немножко не таким?

— Вы уже придумали, где его съедят? У вас же была мысль продать?

Да, такая мысль была. Её не скрывали: на банку его не хватит, на продажу одной первой дольки голодному привереде тоже не сыщешь. Однажды Горин посчитал с листком в руке: если детям, двадцати граммов не придётся никому. Если поровну, окажется, что любимые дети получили столько же, сколько не умеющие даже рта открыть на собрании старики, и никто не будет знать, обидели его или наградили. Там, в развёрнутом свёртке, между краем томата и крышкой Нина разглядела вложенный в водянистую мякоть коричневый пакетик. Уголок он успел окрасить в бурый. Пакетик был запаян чёрным воском, и по маленькому весу сразу становилось ясно: внутри что-то мелкое и целое.

Она развернула отдельно лежащую бумажку под ящиком. Верхний край самой длинной буквы вышел за линейку клетки. Нина уловила его первое движение как пальцы, когда она в четыре руки с другим мастером вшивала в прямую ткань рукава неудобный, слишком широкий край. Сначала направляешь маленьким пальцем, потом двумя следующими подгибаешь и только большим и указательным двигаешь дальше. Эта буква была нарисована именно так.

«У нас стекло и тёплая земля. Могу принять семнадцать. По тебе дошло? Отправь старый билет. Прядильня, амбулатория. Д. Скоба».

Нина раньше полагала, что бурная радость случается прямо на месте. Человек сморщивает лицо, подносит к нему обе ладони, едва удерживает равновесие и много плачет. Она перевернула листок. Там шесть раз была записана небольшая цифра семь. К каждой семёрке Дора пририсовывала ту же смешную крышку, которую им в школе запрещали.

— Нужен стол, — сказала она.

Даша кивнула. Вместе подхватили ящик, перенесли на столик по выдаче почты. Высокий человек с вышитыми платками помог им подложить под ножку деревяшку, чтобы не качался.

— А зачем вам понимать, что он не новый? — спросил он, разглядывая подсохший томат. — Кто так сильно любит одного и того же, когда столько других в мире в тёплых странах есть?

— Я его поливала, — ответила Нина.

— А-а. Извините. Тогда, конечно.

Его ладонь мягко снялась с томата, которого он пальцами не касался. Он с пакетиком свернул в нижний коридор. Даша щёлкнула рыжеватым воском. Оттуда появились три мелких томатных семени, похожих на гладко обкатанные летние ракушки. Нина в одно мгнове-

ние узнала бантик, которым Дора раньше закрывала свою посевную банку. На подписи было то самое хитрое семь и мелко обозначено: «Жёлтые, мамины. Не мочить». Три семени из старого семенного запаса, а не из только что сорванного плода. У них дома всегда хранили много одинаковых банок с пшёнными зёрнышками и красным маком, и было совершенно ненужно вынимать семена из первого сада, чтобы отправить второму. «Передварительная закладка», написала однажды Дора на такой банке. От волнения она всегда путалась в этом слове. Нина вдруг отчётливо услышала это слово и только тогда облокотилась о стол.

— Она же умерла.

— Это мама ваша? — спросила Даша.

— Это у меня сестра.

На крыльце показалась Соня, несущая на себе всю Леську. Девочка была ещё пахучая спросонья, с одного бока выступили клетчатые линии от подушки. Голые два пальца высовывались из материнской вязаной варежки, которую сама дочь носила до самого локтя.

— Светлячок где? Зачем вы меня подняли? — спросила она.

Даша вышла к ним, получила записку. Из чужой деревянной ни на что не похожей корзины вынули двухстороннюю карточку, склеенную баранкой из кустарного железа. «Первому летающему почтальону. Ваш друг жил целую ночь возле колыбели Адама Грека. Смотрел вместе с нами, как он дышит. До двух раз упал на живот, и мы смеялись. В благодарность прилагается снимок». Снимком оказалась маленькая картинка в синем карандаше. На ней над колыбелью с ушами вороной лошади висела с жуком на кончике чья-то рука. Леська взяла карточку, переложила между варежкой и пальцем, так и не сказав ничего особенно трогательного. Когда мама и дочка выходили, из варежки торчал один только вороной конский край.

Нина обернула три семени листом сухой тетради и спрятала в свою пустую корзинку отдельный чёрный коробок. Даша стояла рядом и позволяла ей собирать вещи с чрезвычайной аккуратностью. Чтобы на два квадратных вершка сложить эту бумагу с воском, чтобы записка сестры не легла на мятый томат, чтобы варежка осталась на берегу, где и следовало жить варежке Вакулы.

— Какой билет? — тихо спросила Даша.

— Проездной на карусель. Когда я была школьницей, а она просто маленькая, мы играли в почту. У нас была коробка из-под парфюмерного мыла, внутри колючее сено и дырка для писем. Всё, что случалось хорошего, я ей туда кидала. Она, например, от мамы пряталась, чтобы сходить на выставку лошадей. Она лошадей жутко боялась. Хотела сама убедиться, но чтобы никто не заметил, что туда пошла. Надо было бросить мне в ящик маленький зелёный шнурок. Если молчишь в ответ, можешь остаться один, а можешь попросить вернуть на следующую доставку. Письмо в обе стороны.

— Это вы с ней сейчас так говорите. С якобы мёртвой.

Нина прижала ящик к груди.

— Я должна увидеть, кому его отдали.

— Вам придётся начать с того, кто отдал.

На лестницу над берегом вышла Сеня. В руках у неё была сложенная вчетверо мохнатая на концах зелёная бечёвка. Даша отошла в сторону, но осталась стоять возле Нининого локтя.

— Ты у меня три дня не спрашивала, — сказала Сеня. — Спасибо тебе. Сейчас я тебе расскажу.

Глава 6. Сеня считает до семнадцати

— Ты плохого обо мне ещё не выдумывай, — сказала Сеня. Она так никогда не говорила. Обычно дело, ради которого надо было её осудить, она успевала сделать и забыть ещё до того, как у остальных находились нужные слова.

Они прошли в пустую сапожную мастерскую. Между дверью и краем окна умещалась большая расписная табуретка с гнутыми ножками. Сеня села на неё, вытянула перед собой ноги в ботинках пенсионного возраста и принялась аккуратно снимать с одного из них намокшую бумажку. Песчано-жёлтая бумага пропускала свет, пока не присохла.

— Кто взял томат? — спросила Нина, хотя на деле хотела спросить только «ты знала, что Дора жива?».

— Я взяла. Сорвала. Он оторвался мягко, не сердись. Наверное, хотел ещё прожить два дня, но попал мне в руку, и я завернула его в три куска серой бумаги. Вышла на заднюю лестницу, когда было часа четыре или пять, до топки. Попросила Вакулу, чтобы отдал в ту сторону. Уложила в жёлтую коробку. В неё мне когда-то янтарные бусы подарили, и посмотри, что осталось: бусы истаскались по одной янтарине, коробка жизнь прожила в шесть суток, столько мест повидала. Можешь сейчас её себе взять. Почему греха не побоялась? Потому что мне надо было найти, куда от этого дома можно уходить.

Даша прислонилась к дверному косяку. Варя стояла у неё за спиной и не дышала. Даша не слышала, а Нина обнаружила Варю по отражению в левой круглой ножке из блестящей латуни: большое пятно каштанового цвета, которое не двигалось даже при толчках воды.

— Назови теперь, кому ещё надо от этого дома уходить, — сказала Нина.

— Я и называла. Уже четыре месяца называю. Тебя на тех собраниях не было: цветок у тебя вылез, окошко осыпалось, на пекарском дворе станок освободился. Если ты не пришла, значит, всех этих разговоров не было? В ноябре решила я, что нам нужны запасные места. В каждый дом по другую сторону написано было, сколько человек у нас запрашивают адрес. Вернулось восемь писем. Пять раз нам дали тёплый отказ, те самые добрые слова, которыми все так охотно мой конверт набивают. Три дали адреса: Рая, сторожка дока, моя внучатая родня. У нас тридцать один человек, а у внучатой родни козёл пожилой доживает весь свой козлиный остаток в коридоре. Где там тридцать одного человека положить? Они и мне подадут доску на кухне, и то если сам козёл благословит.

Нина перевела взгляд на руки Сени. Перед ней лежала бывшая тесьма от ветки, распушённый хвостик, которого едва хватило бы и на девичью косу. Даша смотрела на неё молча, и одна старая красно-зелёная вазочка отражалась в зрачках. Семнадцать человек смогут спать в тишине, за целыми стёклами, а те, кому не повезло, поедут потом неизвестно куда. Сеня заставила каких-то людей, до которых дошла эта яблочная коробка, назначить дату. Нина почувствовала, что не уступит старухе даже вида своего волнения.

— Ты решила отдать чужим то, что поливали все, и не спросила. Решила проверить, любит ли всё ещё меня моя сестра. Скажи мне, где ты про неё узнала.

— Осенью в постоялом списке смотрела людей. Данные берут у ближайших посёлков, чтобы тех, кто ищет, сводить не только по одинаковым двум буквам. Однажды там стояла фамилия Скоба. Вот и всё, сперва я увидела только фамилию. В чужой семье бывает такая же фамилия. Бывает так, что вместо пустого места пишут имя сплочённой бригады, а потом ищи свищи. «Синий голубь» у них наверху был хрен какой лодкой, а я думала — знаменитый концертный хор. Пришло письмо Рае с просьбой не называть имени сестры, пока она сама с этим не разберётся. Я ждать не хотела.

— Которой сестры? Моего имени?

— Её. Дориного. Получила от неё повторное письмо без подписи. Спросила: «Если я дам твой адрес сестре, ты не станешь делать вид, что письма не было?» Она написала в ответ, что можно сделать как прежде. Что там у вас за зелёный хвостик от помидора. Она в детстве не сводила глаз с моего сына. Однажды нарисовала для него всю вашу игру, чтобы он тоже умел ей передать, когда ждёт у кино. Даже эту схему я видела, со стрелками и «письмо ушло». Рая сказала: первые места найдутся для людей, которые не умеют плавать с закрытыми глазами. Я это передаю своими словами, потому что у них за рекой не рай. Им нужно показать, что мы здесь тоже люди со своими делами. Там так старательно пытаются откопать себе ещё один сухой двор; они не думают, чтобы им теперь ухнуть в воду, если придут тридцать незнакомцев. Поэтому я отправила то, что каждый поймёт. Вот наша работа. Передайте вашу.

— А мою-то работу кто разрешил? — спросила Нина. — И когда Дора была замужем за Колей, она ни в какое кино за твоим сыном не бегала. Ей тринадцать было. Всё умеешь превращать в городскую историю, кроме самого простого. Даша, ты что-нибудь видела в ту ночь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.